

Владимир ЯНУШЕВСКИЙ

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

(Продолжение. Начало: «Симбирскъ» №6-2021, №1-2022)

Заметки провинциала

Журнальный вариант

«Прекрасный наш язык способен ко всему»
Александр СУМАРКО

«Дар поэта ласкать и карябить»
Роковая на нем печать
Сергей ЕСЕНИН

«Ты написал много букв; еще одна будет лишней»
Иосиф БРОДСКИЙ

Всех моих друзей-приятелей студенческой поры мама моя делила на две категории: на «плохих» и «хороших». Отец молчаливо соглашался с ней, его мнение в это время было не очень авторитетным.

Валик Цветков считался *хорошим* другом: в институте он вступил в ряды КПСС, затем окончил Высшую комсомольскую школу, рано женился, родил двух сыновей. Отец ставил мне его в пример, досадовал, что у меня нет *явных достижений*. Толик Чесноков был *плохим* другом: маму пугал его необузданный нрав, настораживали громкий голос, резкие движения, импульсивные поступки.

Но жизнь распорядилась по-своему. Валентин быстро сделал карьеру, поработал за рубежом, а именно – в Чехословакии, где располагалась *штаб-квартира* то ли Всемирной федерации профсоюзов, то ли Международной конфедерации профсоюзов, точно не знаю. Он хорошо владел французским и пока учился в ВКШ, его часто приглашали в качестве переводчика на различные форумы-съезды, и он установил полезные контакты. Отработав на профсоюзной ниве, он вернулся¹ с семьей в Ульяновск, где возглавил областное бюро международного туризма. Но перестройка нарушила его размеренную жизнь, и он, как говорили герои Льва Толстого, *растерял свою латынь*... Он умер, не дотянув трех недель до пятидесятилетия. Чесноков не дожид до своего шестидесятилетия чуть более полугодом.

А мама моя в детстве была такой же буйной и неумной, как Толян. Я это понял, когда она лежала, что называется, *на смертном одре* в своей кровати, со сломанной шейкой бедра левой ноги. При этом она кричала, ругалась, порываясь куда-то бежать или ехать. Умирала она медленно, *нэхотя*, словно ее насильно везли в товарном вагоне поезда. Ей казалось, что она едет в свою Уральскую ссылку...

Название «Бархатное пиво» ласкает слух.

Во втором семестре курс педагогической психологии нам читала Валентина Сергеевна Безрукова²,

которая была членом Центрального совета Всесоюзной пионерской организации. Однажды на лекции она нам честно призналась, что *пионерия* зашла в идейный тупик, и никто не знает, какими *дедами* увлечь сегодняшних и завтрашних пионеров. По ее мнению, аналогичные проблемы с детскими организациями имелись и в других *странах народной демократии*, в частности, в Польше. Там предложили комплект символов польских *харцеров*³, помимо галстуков и нагрудных значков, дополнить *деревянными мечами и кинжалами*. Так что цель *харцеров* (то есть рыцарей) – *борьба*. Но с кем? С *каким* врагом?

По моим наблюдениям, наш родной *комсомол* сейчас, в середине 70-х, тоже блуждает в *темках*. Комсомольские вожаки просто уже не *знают*, как занять, чем увлечь юношей и девушек. Студенческие стройотряды все больше стали напоминать артели *бичей-шабашников*. Комсомольско-молодежные бригады на заводах и фабриках погружены в рутину. Ребята из боевых комсомольских дружин (БКД) все чаще оказывались объектами уголовного преследования. В последнее время у комсомола *новое увлечение* – *дискотеки*. Но разве *танцы-шманцы* – это важное занятие для *передового отряда советской молодежи*?

– Да, – отвечали комсомольские функционеры, – *важное*. Танцы-шманцы – это *на диком Западе и капстранах*, а у нас – *правильные дискотеки*, *идейно и идеологически выдержанные*. Там у нас *молодежь* не только танцует, но и дискутирует на *политические темы*.

Вот только молодежь старалась держаться *подальше* от таких идейных дискотек. Я думаю, *если* в ближайшее время в нашей стране не *займут* очередную комсомольско-молодежную *стройотряд* *века*, то ВЛКСМ вообще *схлопнется*⁴.

Что определяет происходящие в нашей жизни перемены? Может быть, это: смутное зарождение новых отношений, случайное возникновение *неведомых* прежде категорий, понятий, смыслов, *оттенков значений*?

¹ Причем не на поезде приехал, а на собственной «Волге» ГАЗ-24.

² Сейчас выпускница Ульяновского пединститута Валентина Сергеевна – доктор педагогических наук, автор многих учебников для педагогических вузов.

³ Между прочим, харцеры существуют до сих пор и образуют крупнейшую в Польше молодежную организацию.

⁴ Я правильно думал. В середине 1974 года было принято Постановление ЦК КПСС о начале (или продолжении) строительства БАМа – Байкало-Амурской магистрали.

Всему новому всегда надо дать название, все надо проименовать, определить, объяснить, проклассифицировать. Но как только появляется новое явление или новая категория и соответствующая ей категория, сразу же встают очередные вопросы.

Отчетливо помню: осень 1973 года, поэтический семинар в редакции газеты «Ульяновский комсомолец». Присутствуют сотрудники газеты Анатолий Наумов, Николай Полотнянко, Евгений Обинокков, Владимир Дворянсков, студенты пединститута: мы с Чесноковым и Валентин Цветков с женой. И еще один человек присоединился к нам: молодой, давным-давно вышедший из комсомольского возраста сотрудник газеты по фамилии Кукуев. Мы все по очереди читали свои стихи, обсуждали, спорили, а он просто сидел на стуле. Потом его внимание привлекла подшивка какой-то газеты, и он стал, воровато оглядываясь, вытягивать журнал для ботинок, которыми подобные подшивки традиционно и скреплялись. Завладев шнурком, он аккуратно вправил его в свой ботинок, а обрывок старого, вздрызг изношенного, положил в карман.

Мы с Толиком Чесноковым наблюдали за Кукуевым, шепотом отпускали язвительные шутки, но вдруг обожгла мысль, что, возможно, когда-нибудь один из нас станет похож на этого полоумного старика.

Ближе один знакомый журналист рассказал мне трагическую историю Кукуева. Тот был неплохим шкетником, работал в «Ульяновской правде», перешел на холодильник ЗИЛ и купил его, отстоив, как полагают, в редакционной очереди на дефицитные товары. У него был маленький сынишка, но оба любили дома играть в прятки, и однажды мальчик просто так, чтобы озадачить папу, спрятался в холодильник. Папа же был занят каким-то делом, а выпускавшиеся в 50-е годы прошлого века холодильники можно было открыть только снаружи. В общем, мальчик задохнулся.

С тех пор Кукуев слегка помешался...

Петр Сергеевич Бейсов и поэт Володя Пырков едут на зимнюю рыбалку: просто шагают к водохранилищу по спуску Степана Разина, уходят от берега метров на триста и начинают бурить лунки...

В середине октября 1973 года проходил очередной институтский слет студенческих строительных отрядов. На такие мероприятия принято было приглашать представителей строительных организаций, которые летом принимали стройотряды. Дня четыре до события я позвонил в Старую Кулатку. Звонку взял сам начальник Старокулаткинской межрайонной строительной организации (МСО) Владимир Якубович Сунчалиев. Я объяснил суть дела, пригласил его на слет. Но приехал главный инженер Мунир Яхьевич (фамилию я уже не помню).

Началась торжественная часть. Мне вручили два диплома: за первое место в институтском соревновании и за второе – в областном. Моему инженеру тоже достался диплом.

Вскоре Мунир Яхьевич засобирался домой: ехать до Старой Кулатки предстояло больше

четырёх часов, а он был без шофера, сам управлял стареньким газиком. Я пошел провожать гостя до машины и спросил, какова ситуация на стройке в Кирюшкино, близок ли день сдачи животноводческого комплекса в эксплуатацию... Он замялся, закурил, а потом рассказал, что там произошло. В начале осени пошли дожди, и бетонные «башмаки» (технический термин – *блоки фундаментные*) под весом вертикальных конструкций (*несущих рам*, составленных из бетонных *полурам*), которые в них были вставлены, разъехались, и весь каркас *кошары* рухнул. А кошара (помещение для содержания овец) – это главный объект овцеводческого комплекса, без нее все остальное теряет смысл. В общем, стройку заморозили...

Эти самые «башмаки» годом раньше устанавливали какие-то залетные шабашники: быстро сделали по принципу «тяп-ляп», *сруб́или* деньги и исчезли. Вот так строили в эпоху брежневского *развитого социализма*.

Приближалась очередная отчетно-выборная конференция комсомольской организации пединститута. Я без обвиняков сказал секретарю комитета ВЛКСМ Зине Вихиревой (Светлана Губа уже работала в Москве, в ЦК ВЛКСМ), что не хотел бы оставаться на новый срок. Я перешел на четвертый, последний курс, и мне вдруг захотелось просто «учиться, учиться и учиться», читать художественную литературу.

Гуттенберг не книгопечатание изобрел, а придумал *книгу-кодекс* (книжки из пергамента не в счет: их было слишком мало). В Европе появилась бумага!

Так что книгопечатание – это всего лишь технология. А вот книга – это принцип. Любой принцип всегда важнее, потому что из него вырастает философия.

В газете «Ульяновский комсомолец» опубликована статья «Неоплаченный вексель». Комитет комсомола настоятельно рекомендует обсудить публикацию на факультетах и в учебных группах.

Там, в этой статье, про наш институт написано, что определенная часть выпускников отказывается ехать работать по направлению в сельские школы. Государство, мол, потратило деньги на их обучение, а они, такие-сякие, не хотят отдать долг родине.

Отчасти справедливо. С другой стороны, почему молодые специалисты должны латать дыры, возникшие в результате несуразной кадровой и социальной политики этого самого государства?

Чем жестче мир, тем более хрупки девушки, его населяющие, и тем *железобетоннее* женщины, в которых эти девушки со временем превращаются.

На четвертом курсе, в последние свои зимние каникулы, мы с Толиком Чесноковым решили махнуть куда-нибудь подальше. Это была моя идея, которая, как я теперь понимаю, пробудила в Толяне до сих пор дремавшее чувство – «охоту к переменам». Стипендия в сорок рублей не позволяла шиковать, но, учитывая относительно недорогие

билеты на поезд (плацкарт до Москвы – 12 рублей 50 копеек, а по студенческому билету – 8 рублей 50 копеек), можно было рискнуть.

Наш студенческий профком, как и всегда, был на голодном пайке, путевками не располагал, поэтому мы отправились в учреждение под названием *Облсофпроф*, что располагалось на улице Кузнецова, сразу за площадью Ленина. В Советском Союзе существовала *сеть всесоюзных туристических маршрутов*, их было где-то около сотни или даже чуть больше, и вот в цокольном этаже здания Облсофпрофа (тут располагались региональные конторы всех отраслевых профсоюзов) имелся отдел, в котором можно было купить путевки на такие маршруты. Немолодая женщина за стойкой сразу предложила нам лыжный маршрут в Карелии. Поскольку других вариантов не было, мы согласились. Она тут же принялась названивать по *межгороду* в Петрозаводск и согласовала сроки лыжного похода. Нам оставалось завтра выкупить путевки, каждая из которых стоила 60 рублей – стандартная цена на всесоюзных маршрутах.

По расходам договорились так: я оплачиваю путевки (у меня имелась *заначка* в виде командирской зарплаты в стройотряде), а Толян обеспечивает проезд и дорожные расходы, включая одну ночевку в Ленинграде. Через два дня мы уже сидели в поезде. В этом же плацкартном вагоне ехали наши однокурсницы – чуть не половина группы «Е». Все девушки направлялись в Москву за *шмотками*. А мы помотались по зимней столице, дождались своего поезда и вечером с Ленинградского вокзала двинулись в сторону Петрозаводска...

В 70-е годы прошлого века в Ульяновске было три вуза: политехнический, педагогический и сельскохозяйственный. Студенческий фольклор непременно включал одну шуточку, которая, впрочем, родилась где-то в другом городе: «стыда нет – иди в мед, ума нет – иди в пед, и этих и тех – иди в политех».

Педагогический институт в полной мере обеспечивал город *гуманитариями*. Здесь *ковались кадры* не только будущих учителей, преподавателей ПТУ, военных училищ и вузов, но и вызревали библиотекари, журналисты, музейные работники. Две выпускницы нашего факультета, Тоня Лобкарева и Ирина Смирнова (обе после первого курса были «бойцами» моего стройотряда) под руководством Петра Сергеевича Бейсова с нуля создали музей И.А. Гончарова, как-то умудрились собрать сотни экспонатов, установили связи абсолютно со всеми потомками писателя (в основном они живут во Франции). Впрочем, какие потомки? Иван Александрович был холостяком, официальных детей не имел...

Карелия сразу же очаровала Толика Чеснокова, и произошло это главным образом через язык, через слова: *руны, Пóхъяла, Кáлевала*. Завораживало звучание имен героев карело-финского эпоса: *Вя́йнямёйнен, Ильмаринен, Лóухи* – с ударением на первый слог, как и должно быть в финно-угорских языках.

Анатолий Чесноков после дневного перехода на лыжах. Карелия, февраль 1974 года.

Новой музыкой звучали топонимы – названия городов, в которых мы побывали или о которых слышали: *Кóндопóга, Костому́кша, Сегéжа*.

Как я уже не раз писал в этих заметках, *перекурсник* Толя Чесноков казался букой, был погружен в себя, в свои раздумья и рифмы, но со временем он стал очень контактным, невероятно обязательным человеком. Про всякого нового знакомого он сходу мог сказать: «Это мой друг!». Неслучайно почти каждое второе свое стихотворение он кому-нибудь да посвятил (среди адресатов – Федор Тютчев, Александр Блок, даже француз Жак Превер).

Умел ли Толян дружить? Трудно сказать. В моем любимом фильме «Парад планет» (режиссер Вадим Абдрашитов, сценарий Александра Миндадзе) герой Сергея Шакурова произносит очень важную фразу: «Дружить – это надо стараться!» – то есть дружба – это труд. Это «понятие круглосутонное» – фраза поэта Михаила Светлова, ставшая уже вполне заезженной.

Умел ли я дружить? Не знаю, не мне судить...

Я бы так сказал: для того, чтобы дружить, нужны ресурсы: временные, материальные, финансовые. А Толик Чесноков всегда был на мели. И дружбу он понимал как игру в одни ворота: *мне нужны деньги, мне нужны какие-то вещи* (летняя кепка, солнцезащитные очки, тетради и ручки и т.д.) – *если мы друзья, то ты мне должен все это дать*. Если не дашь, то какие же мы друзья? Сам он редко одаривал какими-либо подарками тех, кого считал друзьями...

Впрочем, однажды Толик меня все-таки одарил. Обычно его путь из Теньковки в Ульяновск и обратно пролегал через Языково. И вот однажды в тамошнем книжном магазине ему выпала возможность оформить подписку на десяти томное собрание сочинений Пушкина, и даже не одну. Он так и сделал: подписался сам и подписал меня. И выкупил для меня два первых тома, которые были в наличии. У него в карманах в тот момент нашлись какие-то деньги. Разумеется, я с ним расплатился. Это были толстые книжки в бордовом переплете (Москва, «Художественная литература», 1974).

К сожалению, следующих томов я не дождался: новые книжки поступали, но у Анатолия всякий раз не было при себе лишних денег. А примерно через год книжный магазин в Языково сгорел со всем своим содержимым...

Железнодорожный вокзал Петрозаводска отчасти похож на старый вокзал в Ульяновске: тот – сталинский ампир, тот же устремленный ввысь. Здешние жители, небольшой командой отправляясь в командировку или в экскурсионную поездку, так и говорят:

– Встретимся под шпилем!..

Как разместили в двухместном номере на государственной турбазе «Лососинка» (рядом речка с таким названием и над ней высится телевышка – точь-в-точь как у нас в городе), а утром повезли на автомобильную экскурсию, где на одном из перекрестков показали дом, в котором некогда жил поэт Роберт Рождественский. Вечером мы вдвоем пошли в Национальный театр драмы, разместившийся в новом, только что отстроенном здании. Автор проекта – Савва Бродский, архитектор, скульптор, художник и поэт. Нам это имя было знакомо: мы знали Бродского как автора графических работ – книжных иллюстраций к «Дон Кихоту» Сервантеса, трагедиям Уильяма Шекспира, романам Александра Грина. А пьеса была так себе, игра актеров – как в самодеятельности, тем более что спектакль шел на карельском языке (разновидность финского), и мы слушали перевод через дешевые наушники за два рубля и сорок копеек, предназначенные для школьных технических кружков.

Карелия, турбаза «Косалма», перед лыжным походом. Владимир Янушевский внизу в центре, справа Анатолий Чесноков.
Февраль 1974 года.

На следующий день автобусом нас доставили на загородную турбазу «Косалма» (так называется ближайшая деревня). Нам досталась комната из четверых, соседи – Никита и Валерка, студенты Пискаревского педагогического (инфак, основной язык – английский). В нашем корпусе был расположен магазин, вход с торца. Решили отметить начало каникул, купили две бутылки водки. Валерка Пискаревский оказался очень сообразительным и предприимчивым: быстро перелил содержимое бутылок в стаканы на столе графин, еще раз сбегал в магазин, взял «пушнину» и купил закуску: хлеб и консервы.

В лыжный поход отправились небольшой группой: помимо нас четверых там были еще четверо из Калининского политеха и четверо других – будущие архитекторы из Вильнюса. Еще с нами оказался мужчина среднего возраста, дядя Ваня – машинист тепловоза из Нижнего Тагила, получающий

зарплату в 350 рублей. Тринадцать человек плюс инструктор Толик, житель города Риги. Буквально в последний момент к нам присоединились еще трое студентов из Харькова.

Погода на протяжении всего маршрута была восхитительной: солнце, легкий морозец, безветрие. Благодать!..

На ночевки останавливались в карельских деревнях с однотипными названиями (Конч-озеро, Мун-озеро и т.п.) в рубленых домах-пятистенках, оборудованных под приюты. Еду готовили сами на дровяной плите. Девочки кашеварили, мы рубили дрова, ходили за водой – и в колонку, и к полынье.

Анатолий Чесноков во время экскурсий в Петрозаводске на слух запомнил целые куски из «Калевалы» – карело-финского эпоса, теперь нараспев громко декламировал: «Добрый мудрый Вяйнямёйнен...» и сразу же получил прозвище – Калевала.

На одной из стоянок, укладываясь спать (девчушки спали в одной комнате, мы – в другой) в жарко натопленном помещении мы разделись до трусов, и тут кто-то заметил, что у Толика Чеснокова абсолютно безволосые, с гладкой кожей, ноги. Это многим показалось забавным. А я вспомнил другого нашего однокашника, студента-филолога Олега Куликова, который нередко бахвалился своими стройными ногами:

– Приду, бывало, на пляж, разденусь – и сразу все девчонки с завистью пялятся на мои ноги.

Современный городской фольклор на этот счет беспощаден: «Женщина-филолог – не филолог, мужчина-филолог – не мужчина».

У студентов нашего факультета был свой гимн, слова которого с годами несколько поутратили свою актуальность:

Я люблю мой истфил,
Мне близки Чернышевский и Горький,
Я навек полюбил
Маяковского гордые строки...

Исполнялся гимн на мотив известной песни «Я люблю тебя, жизнь...» (Константин Ваншенкин – Эдуард Колмановский). То есть это был типичный перепев. А вот на турбазе «Косалма», уже после похода, мы познакомимся со студентками-филологами МГПИ им. В.И. Ленина (теперь МПГУ), у которых тоже был свой институтский гимн, но абсолютно оригинальный, написанный выпускником этого института Юрием Визбором:

Мирно засыпает родная страна,
И в московском небе золотая луна,
Ночью над Союзом и над нашим вузом
Медленно слетает тишина...

Из Петрозаводска мы поехали другим маршрутом, через Ленинград. В Ленинграде (местные уже тогда упрямо называли этот город Питером) вышли на платформу, когда уже начало смеркаться. Довольно быстро добрались до общежития академии каких-то там войск, где в это время учился муж одной из сестер Анатолия. Поскольку новенькое,

Перед отъездом с турбазы «Косалма». Анатолий Чесноков – единственный, кто при галстуке. Февраль 1974 года.

с иголки, общежитие предназначалось для офицеров, отцов семейств, то и условия были соответствующие: каждый блок представлял собой квартиру из одной-двух комнат, кухни и санузла. Нас тут ждали: накормили сытным ужином под рюмочку-другую и разговоры о жите-бытье...

Утром приехали в Москву, а поезд в Ульяновск отходил только поздним вечером. Как неприкаянные, мы целый день слонялись по заснеженным столичным улицам. Уже в сумерках на Новом Арбате в каком-то тупичке увидели московских студентов: они отмечали окончание сессии в ближайшем кабаке и вышли подышать-покурить. Девчонки буквально вешались парням на шею, задирали их и отвратительно хохотали. Мы поморщились: далеко не все наши студентки были монашенками, но все-таки...

С каким удовольствием на следующий день после лекций мы прошли по улице Гончарова, где все было родным и знакомым: вот ЦУМ, напротив промтоварный магазин «Черемуха», рядом другой – «Подарки». Наверное, мы оба были закоренелыми провинциалами и не любили столичные города...

В послевоенные годы в нашей стране партией и правительством был взят курс на индустриализацию страны Советов. В крупных городах, в том числе и в Москве, строились новые промышленные предприятия, для которых зачастую требовалось большое число рабочих для выполнения рутинных операций.

Заевшиеся и зазнавшиеся москвичи не стремились идти работать на заводы и стройки. Чтобы закрыть непопулярные среди коренных москвичей вакансии, власти придумали ввести лимит прописки для работников, когда заводу или фабрике выделяли квоту на определенное число рабочих мест для приезжих из других регионов. Таких людей коренные москвичи пренебрежительно называли лимитчиками или лимитой. Население страны поделилось на москвичей и немосквичей, причем последние должны были обеспечивать первых всем необходимым: продуктами питания, одеждой и обувью, квадратными метрами жилья (сами москвичи для себя ничего не строили). Например, наш Инзенский мясокомбинат выпускал отменного качества тушенку, копченые и вареные колбасы, но

вся продукция – все 100% – отправлялась в город-герой Москву.

Приближались госэкзамены, наступил день распределения... Я учился неплохо, из сотни студентов-филологов нашего курса занимал примерно двенадцатую позицию, а поскольку некоторые девушки, что меня опережали, успели выйдти замуж и даже забеременеть, что давало им право на свободное распределение (по месту работы или службы мужа), то в итоге я оказался восьмым. Из списка учительских вакансий выбрал село поближе к городу, где-то недалеко от Ишеевки, но не обратил внимания на то, что там предлагалось всего 16 часов учебной нагрузки (штатный вариант – 18 часов), за что и поплатился. Я так мыслил о ближайшем будущем: необременительная поденщина в школе, а в свободное время – литературное творчество...

Итак, я в кабинете ректора, перед комиссией по распределению. Узнав мой выбор, ректор Василий Васильевич Наймушин сказал, обращаясь к коллегам:

– Ну, эту вакансию мы оставим какой-нибудь слабенькой девчонке, а ему подберем директорское кресло.

Я попытался возражать, но меня не слушали, уже пригласили следующую жертву. Пришлось выйти коридор. Вскоре узнал, что «мое» место уже занято – его заполучила шустрая и сообразительная девушка из моей группы.

Наконец меня пригласили. Назвали населенный пункт, где располагалась школа, в которой меня ожидало директорское кресло: село Вольщина Кузоватовского района. Именно в этих местах родилась зазноба Толяна Чеснокова. Возражать было бесполезно, меня не слушали, и я тут же подписал какую-то бумагу...

Летом 1974 года, получив дипломы, мы с Толяком почти не виделись. Он, вероятно, окунулся в деревенские заботы, я принимал гостей – новых друзей-приятелей по лыжному походу. Сначала приезжали ребята из Куйбышева, потом девчонки из Вильнюса. Дальше были ответные визиты в Куйбышев и в Литву, где мне организовали классный туристический тур по маршруту: Вильнюс – Каунас – Паланга – Вильнюс.

Итак, на тему урбанистики: население Москвы поделилось на две категории: местных (коренных) и приезжих (лимитчиков). Последние обязаны были трудиться лишь на одном конкретном предприятии, а порой и только на заранее определенных низовых должностях с минимальной зарплатой. Такой трудящийся получал место в заводском общежитии с временной московской пропиской.

В нашей стране прописка – это, что называется, особая песня. В 1991 году на Съезде народных депутатов СССР была принята Декларация прав и свобод человека, согласно которой каждый гражданин получал право свободно передвигаться внутри страны и выбирать как место жительства, так и место пребывания. Эти права и свободы нашли отражение в Конституции РФ, а также в законе 1992 года «О праве граждан Российской Федерации на